Чурилушка Щипленкович

Еще кто-то там у сенцей колотится?
Колотится Щурилушко Щипленкович,
Ай Щипленкович, Щиголенкович.
Выходила Катерина Николаевна
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одных белыех чулочиках;
У ей женскии волосы приубраны,
Ай приубраны да приучесаны;
Отпирала воротцы раскатистые,
Запущала Щурилушку Щипленковича.
У Щурилушки шляпонька ушистая,
Ай ушиста, пушиста, навесиста,
Ай попереди с-под шапки очей не видать,
Ай позади с-под шапки – белой шейки.
Говорила Катерина Николаевна:
«Ай още що же вы Щурилушка,
Вчерась не бывал?
Ай сахарнииества не едены стоят,
Медвяныя питва не питые».
Брала его за белу руку,
Целовала во уста его сахарные,
Проводила Щурилушку Щипленковича,
Раздевала Щурилу Щипленковича,
Сама шляпоньку взяла и на гвоздик клала,
Перчатки взяла и на полочку клала,
Кунью шубку сняла – на стопочку клала,
Сапожки розула – на место клала.
Садила Щурилушку Щипленковича,
Ко столу садила ко честному,
Ко яствам садила сахарниим,
Сама молода ко добру коню пошла,
Ворона коня взяла – во сараец провела,
Золоту збрую сняла – на стопочку клала,
Коня добраго взяла – во стойло провела,
Скатны саночки взяла – во сарай клала,

Щурилушку за ручку в нову спальню провела.
Прибежала девушка-чернавушка,
Говорила она таковы слова:
«Ай, не ладно ты, Щурило, это делаешь,
Я пойду ли схожу ко Божьим церквам,
Ко Божьим церквам да к золотым ключам,
Я пойду скажу Ермы, сударь, Васильевичу».
Говорил Щурилушко Щипленкович:
«Ай, не сказывай, девка, сарафан куплю,
Ай, не сказывай, девка, башмаки сошью.
Не сказывай, девушка, замуж возьму».
Осерчала Катерина Николаевна,
Ударила девушку по правой щеки,
Ай по правой щеке, по другой стороне.
Говорила Катерина Николаевна:
«Выходи с добра со спальни долой –
Ай, сама, Катерина, сарафан сношу,
Ай, сама, Катерина, башмаки стопчу,
Ай, сама, Катерина, замуж пойду».
Ай, заплакала девушка-чернавушка,
Побежала она ко Божьим церквам,
Ко Божьим церквам, золотым ключам.
Забегала она в церковь Божию.
Ай, крестила глаза на святителей,
Подбегала к Ерму, сударь, Васильеву,
Подбегала она к нему скорешенько,
Ай, смотрела она на его прямешенько,
Говорила она ему таковы слова тихошенько:
«Ай же ты, Ермак, сударь, Васильевич,
У вас в доме гости есть не милые,
Ай, не милый гость Щурило Щипленкович».
Говорил в ответ Ермак, сударь, Васильевич:
«Ай же ты, девушка-чернавушка,
Если правду говоришь – сарафан куплю,
Ежели правду говоришь – башмаки сошью,
Ежели правду говоришь – тебя замуж возьму,
А неправду говоришь – буйну голову срублю».
Разгорелось у Еремушки сердечушко;
Расходилась сила богатырская,

Ай, крестил глаза да на святителей,
Выходил в тотчас со Божьей церквы,
Выходил скоренько на широкий двор,
Садился скорее на добра коня,
Брал во ручку плетку шелкову,
Выезжал тотчас с широка двора,
Не воротами поехал широкима,
Ай скочил через стену городовую,
Подъезжал к своему двору широкому,
Приблизился к палаты белокаменной,
Выходил скоренько со добра коня,
Подходил к воротам решетчатым,
Колотился Ермак, сударь, Васильевич.
Выходила Катерина Николаевна:
«Аще кто у ворот колотится?»
«Колотится Ермак, сударь, Васильевич».
Отворяла воротца раскатисты,
У ей женскии волосы растрепаны,
Ай растрепанные прираспущенные.
Говорит-то Ермак, сударь, Васильевич:
«Катерина! Это что? Николаевна – что?»
Говорила Катерина Николаевна:
«Вот мни теперь что-то не здоровится,
Не здоровится, худо можется».
Входит Ермак, сударь, Васильевич,
В сараец вошёл – скатны саночки нашёл.
Аще говорит Ермак, сударь, Васильевич:
«Аще этаки я саночки у Чурилушки видал!
Катерина, это что? Николаевна – что?»
Говорила Катерина Николаевна:
«Ай вчера ездил мой братец во чисто поле,
Со Щурилушкой санкамы сменялися».
Он во стойло прошел да ворона коня нашёл –
«Аще эдаку лошадку у Щурилушки видал!
Катерина, это што? Николаевна – што?»
Говорила Катерина Николаевна:
«Вчерась ездил мой братец во чисто поле,
Со Щурилой лошадкамы сменялися».
Он на стопочку сглянул – золоту сбрую нашел –

«Аще этакую сбрую у Щурилушки видал!
Катерина, это што? Николаевна – што?»
«Вчерась ездил мой братец во чисто поле,
С Щурилушкой сбруямы сменялися».
Он на стопочку взглянул – кунью шубоньку нашел –
«Аще этакую шубу у Чурилушки видал!
Катерина, это што? Николаевна – што?»
«Вчерась ездил мой братец во чисто поле;
Со Щурилушкой шубамы сменялися».
Ай на гвоздик взглянул – пухову шляпу нашел –
«Аще этаку я шляпку у Щурилушки видал!
Катерина, это што? Николаевна – што?»
«Вчерась ездил мой братец во чисто поле,
С Чурилушкой шляпами сменялися».
В нову спальню он пришел, там Чурилушку нашел –
«Катерина, это што? Да Николаевна – што?»
Выдергал со ножней саблю вострую,
Ай срубил у Щурилы буйну голову;
Не скачна жемчужинка скатилася –
У Щурилушки головка повалилася.
Покатилася головушка Щурилушкина,
Ай туды же вслед Катеринушкина.

Записана в 1901 г. от крестьянки Н. С. Еремеевой деревни Канды Петрозаводского уезда Великогубской волости. Н. С. Шайжин, «Олонецкий фольклор», Петрозаводск, 1906 г.

Читайте также:

Перемёт Васильевич (Смерть Чурилы)